

RU

«Эстетический экзистенциализм» М. К. Мамардашвили: история как аутентичная форма существования

Петрык Я. Ю.

Аннотация. Цель исследования – реконструировать понятие истории в философском творчестве М. К. Мамардашвили как аутентичную форму человеческого существования. Автор статьи акцентирует внимание на том, что важнейшим концептом философствования мыслителя является «эстетический экзистенциализм», который субстанционален и позволяет раскрыть и тематизировать все линии философской рефлексии М. К. Мамардашвили. Осознавая поливариативность трактовок истории, её деятельный, процессуальный характер, мыслитель подчеркивает изначальную амбивалентность исторического: возможность мировой истории в глобальном смысле и сопряженной с ней «личной истории», не в биографическом, а именно в экзистенциальном ключе. Научная новизна исследования заключается в реконструкции взглядов М. К. Мамардашвили на вопросы истории через призму «эстетического экзистенциализма» мыслителя; обоснование значимости осмысления исторического процесса как аутентичной формы человеческого самоосуществления. В результате исследования доказано, что содержательно подход к понятию истории у М. К. Мамардашвили – респонзивен (являет собой призыв). В «эстетическом экзистенциализме» философа эксплицитно и имплицитно присутствуют обращение к необходимости «правильного наименования событий истории» и потребность в «осмыслении исторической событийности» как кристаллизации аутентичного смысла истории и экзистенции.

EN

“Aesthetic existentialism” of M. K. Mamardashvili: History as an authentic form of existence

Y. Y. Petryk

Abstract. The aim of the study is to reconstruct the notion of history in philosophical works by M. K. Mamardashvili as an authentic form of human existence. The author of the paper focuses on the fact that the most important concept of the thinker’s philosophizing is “aesthetic existentialism”, which is substantial and allows us to reveal and thematize all lines of philosophical reflection by M. K. Mamardashvili. Realizing the multivariability of interpretations of history, its active, procedural nature, the thinker emphasizes the original ambivalence of the historical: the possibility of world history in a global sense and “personal history” associated with it, not in a biographical, but in an existential way. The scientific novelty of the study lies in reconstructing M. K. Mamardashvili’s views on historical issues through the lens of the thinker’s “aesthetic existentialism”; in substantiating the importance of understanding the historical process as an authentic form of human self-realization. As a result of the study, it is proved that M. K. Mamardashvili’s approach to the notion of history is responsive (it is an appeal). In the “aesthetic existentialism” of the philosopher, there is explicitly and implicitly an appeal to the need for “the correct naming of historical events” and the need for “understanding historical eventfulness” as a crystallization of the authentic meaning of history and existence.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена современными тенденциями в развитии культуры. В условиях девальвации роли института морали и инверсии классической системы ценностей процессы тотальной прагматизации знания становятся очевидными, что приводит к превалированию сиюминутных политических и экономических интересов, которые напрямую влияют на историю и становятся ею. Максимально сближая философию с литературой и политикой (Рансьер, 2007, с. 52), современный философский дискурс не только эстетизирует сущее и позиционирует сферу экзистенциального опыта как противостоящую «анемии рациональных форм» в осмыслении истории и человека, но и стремится апеллировать к возможности создания единой парадигмы ценностных ориентиров исторического субъекта. Поэтому в слишком

острых для современной культуры вопросах «переписывания истории», её тотальной политической ангажированности становится очевидной необходимостью осмысления не только момента возможности фиксации «объективного хода истории», но и возможность её самоопределения. Исследуя духовно-нравственные процессы времени, философы (Беккер, Гайгер, Дюфрен и др., 2019, с. 37) неизменно приходят к выводу о том, что наиболее адекватной формой воплощения значимых в современном мире экзистенциально-ценностных идей является именно эстетический модус. Непосредственно эстетическое измерение экзистенции создает особый эвристический эффект в истории – расширяет поле толкования последней и дает возможность трансформации жизненных и бытовых практик человека, как аутентичных форм жизнотворчества в пространстве повседневности. Этим и объясняется актуальность избранной темы.

В русле споров о западничестве и славянофильстве вопрос о западничестве М. К. Мамардашвили, безусловно, остается полемичным. Философ апеллирует к универсальным ценностям мировой культуры, абсолютная значимость которых не может быть сужена национальными границами, приоритетами отдельной нации или сиюминутными притязаниями ангажированных политических партий. Для философа феномен «вхождения в культуру» целостен и неделим, поэтому история, как носительница всего культурного достояния человечества, играет первостепенную роль в процессе самоосуществления личности, в том числе как субъекта истории. В этой связи наиболее важно выявить аспекты понимания самого исторического процесса в культурном развитии человека в творчестве М. К. Мамардашвили. Именно таким образом мы позиционируем цель нашего исследования. Для достижения заявленной цели необходимо разрешить следующие задачи:

- определить основания философствования мыслителя и обосновать «эстетический экзистенциализм» как универсальный концепт его рефлексии;
- реконструировать «личное» понятие «истории» в «эстетическом экзистенциализме» М. К. Мамардашвили, изложенное в его лекционных курсах и письменных работах;
- выявить и описать понятие «глобальной» мировой истории и экзистенциальной истории личности в терминах «точности мышления» и «кристаллизации смысла истории», как процесса «самоосуществления».

Материалом для статьи послужили труды самого мыслителя (Мамардашвили, 1989; 2000; 2011), а также исследователей его творчества (Мотрошилова, 2007; Сенокосов, 2000; Смирнов, 2022; Подорога, 2008).

Теоретическую базу исследования составляют опубликованные статьи и труды мыслителя (Мамардашвили, 1995; 1996; 1997).

В работе были использованы источники по эстетике, аксиологии, философской антропологии, социальной философии, значимые для рассмотрения целостного образа экзистенциальных и «патематических» воззрений М. К. Мамардашвили (Барышников, 2005; Воеводин, 2010; Грякалов, 2006; Рансьер, 2007; Беккер, Гайгер, Дюфрен и др., 2019).

Для проведения исследования в данной статье применяются методы реконструкции и экспликации. Так как М. К. Мамардашвили не мыслит системно в классическом смысле этого слова и не создает отдельных специальных работ по заданной тематике, реконструкция необходима для воссоздания «целостного образа истории» в творчестве философа, а экспликация представляется главным исследовательским инструментарием для собирания единой концептуальной структуры, первичной объяснительной модели, позволяющей усвоить смысловое содержание идей. Помимо всего прочего, именно экспликативная модель исследования помогает поддерживать особую экзистенциально-герменевтическую сферу свободной рефлексии с возможностью рекуррентного движения мысли и когитального эксперимента, к которому тяготел и сам М. К. Мамардашвили.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в практике преподавания университетских курсов по истории русской философии, этики, эстетики и аксиологии, а в мировоззренческом аспекте – в создании целостных витальных ориентиров современной личности.

Обсуждение и результаты

Позиционируя первенство мыслительной процедуры и обосновывая эстетический статус мышления, М. К. Мамардашвили последовательно преодолевает гносеоцентрические императивы, монополизовавшие право познания истины, так как в когнитивно-аффективной структуре сознания, существеннейшей для философа, важнейшим элементом оказывается понимание в его аксиологическом аспекте – понимание ценности жизни отдельной личности и человеческой уникальности. Поэтому доминирующей формой мыслительной артикуляции М. К. Мамардашвили становится «эстетический экзистенциализм», который является той формой, что позволяет «схватывать» «событие» «человеческой истории» с изначально не предзаданной, не законченной, но длящейся и постепенно кристаллизующейся структурой внутренних координат.

Философ неоднократно повторял, что жизнь есть «усилие во времени» и «мы не можем “вынуть” существование, отделить его от предмета и рассмотреть... чисто логически» (Мамардашвили, 2000, с. 52). Таким образом, любой акт нашей мысли принципиально становится актом экзистенциальным. Человек, как становящееся во времени внутреннее целое, которое аутентично «понимается» только в эстетических категориях, благодаря мышлению обретает возможность творчески-продуктивно «доопределять мир» (Мамардашвили, 2000, с. 95), а так как «мы существуем вне рамок собственной индивидуальной жизни... мы разбросаны по более широкому пространству» (Мамардашвили, 1997, с. 359), то в акте индивидуального мышления мы в состоянии открывать огромное поле «личных смыслов». Иными словами, в акте творческого (эстетического) «доопределения»

мира М. К. Мамардашвили устраняет разрыв между понятием и наличным бытием, ввиду того что именно «эстетическое», как «орган понимания самого себя» (2000, с. 17), дает возможность «узнавать» собственные чувства и переживания, доводя эти особые состояния до формы сознания, совершая акт «самособирания» и самоосуществления. Фактически мыслитель свидетельствует о наличии особой «эстетической рациональности» в ряду возможных рациональностей, где «когитальное Я» субъекта, всегда есть именно «форма существования» человека. В работе «Эстетика мышления» философ подкрепляет собственную позицию, ссылаясь на то, что «не бывает иной философии, кроме как содержащей в себе именно экзистенциальный момент» (Мамардашвили, 2000, с. 225), «в экзистенциализме (двадцатого столетия) ничего нового... нет», «философия всегда была “экзистенциальной” и – во времена Платона, и во времена Хайдеггера» (Мамардашвили, 2000, с. 41).

Слияние «эстетического» и «экзистенциального» в творчестве философа помогает уяснению многообразия возможностей мышления, амплифицирует интеллектуальный процесс, вмещая и умещающая его не только в рационально-аналитический горизонт, но и выявляя конкретику размерности человеческого существования в его трансцендентальных и эмпирических ипостасях. Таким образом, уяснив базис философствования М. К. Мамардашвили, возможно дальнейшее продвижение не только в вопросе изучения исторического бытия человека, но и ценностно-ориентирующих концептов человеческого существования. Очерчивая феномен аутентичного экзистенциального присутствия в этом мире, человек постигает границы собственной уникальности и индивидуальности, выявляет собственный творческий потенциал, актуализируя рефлексию над собственным историческим бытием.

К «особенностям» «эстетически-экзистенциального» стиля философствования М. К. Мамардашвили следует отнести два необычайно важных принципа, которые структурируют его мыслительную позицию: принцип объективации – это ситуация артикуляции собственного состояния субъекта, благодаря приданию «внятной формы» внутренним состояниям. Согласно данному принципу, понять нечто возможно только тогда, когда это нечто обрело форму. И второй принцип – принцип «не-непосредственности» – это насущная необходимость прилагать усилия (когитально-аффективные) всякий раз, когда желаешь понять. Таким образом, благодаря данным принципам и целостному подходу, который позиционирует мыслитель, «эстетический экзистенциализм» становится субстанциональным кодом мышления М. К. Мамардашвили, позволяющим собрать воедино все линии его философствования.

Принципиальная позиция М. К. Мамардашвили состоит в том, что человек историчен. Он историчен как существо, обладающее индивидуальной судьбой – своей собственной личной историей и причастностью к истории мировой. Эти обе истории одновременно эксплицируются в феномене «со-бытийности». История, как философское понятие, раскрывает динамику человеческого бытия, являясь истолкованием и объяснением жизни человеческого общества. Вместе с тем история изначально двойственна: её можно мыслить как наследие прошлого, где её основной функцией становится сохранение памятников и традиций, и как событийное развёртывание человеческой деятельности во времени, то есть как активную, насыщенную связь настоящего, прошлого и будущего.

Понимая историю как процесс антрополого-социальный и психолого-аксиологический, М. К. Мамардашвили писал: «...в действительности... есть единственное определение, которое можно дать человеческой истории. История... есть попытка быть человеком» (1997, с. 92). Вслед за Н. А. Бердяевым, максимально связывая понятие истории и экзистенции, мыслитель полагал, что полностью реализовать и воплотить самого себя человек может только в истории: «...раз явления индивидуализировались... то историчность... есть (единственный) способ их существования» (Мамардашвили, 1996, с. 169).

Без сомнения, в русской философии (до 1917 года) религиозная, «богочеловеческая» линия толкования исторических процессов была определяющей. Однако М. К. Мамардашвили видел насущную необходимость в трансформации исторического знания, не только в аспекте «секуляризации» подхода, но и в том, чтобы рассматривать историю именно как процесс, а не конечный результат: «...на деле история есть, прежде всего, способ существования определенного рода объектов, а не последовательное завершение чего-нибудь» (1996, с. 168). И продолжал: «...идея “конца истории” (как) реализованной и окончательной гармонии (гарантированной и без риска)... выросла из человекообразующей борьбы с хаосом» (Мамардашвили, 1996, с. 171), то есть «идея конца истории» – это идея, свойственная человеческой природе, всегда ищущей законченную, целостную форму. Однако реализовать историю полностью – это значит ее завершить. Иными словами, история толковалась философом именно как способ существования объектов во времени, в смысле их эмпирической представленности и нормированности в феномене «со-бытийности». При этом история, как процесс, постоянно напоминал философ, изначально нуждается в правильном наименовании её «событий» и аутентичном её осмыслении – то есть в перманентной внутренней работе духа, как отдельного субъекта, так и целой нации в масштабах определенной культурно-исторической эпохи. А феномен «со-бытийности» человека одновременно свидетельствует о вовлеченности и максимальной включенности субъекта в жизненный процесс – желании осуществить, удержать, оживить момент существующего и, что немаловажно, указывает на нахождение субъекта истории в среде себе подобных, сосуществовании и пребывании человека с другими людьми в этом мире («со-бытии»). При этом экзистенциал «со-бытийности» наиболее полно раскрывает себя именно в истории, так как только в истории человек «умещает себя в мир» и, как существо творящее, «придает форму своей судьбе» (Камю, 1998, с. 41), «осуществляя себя» в определенной культурной форме.

Резюмируя, следует признать, что историческое «со-бытие» становится «событием» в ходе ретроактивно-го осмысления, в котором первоначально заложена необходимость осознания структуры исторического акта и собственной историчности, а также собственного национального типа ментальности и культуры. Прошлое

означает случившееся, которое имело место и действует на нас, где событийность случившегося необратима и неизменна. Таким образом, главная проблема, которая тревожит философа, – это проблема исторического самообладания – обладания историей как актом её осознания и понимания, а также проблема социально-исторического бытия субъекта, пребывающего в необратимости культурной формы, где социальный контекст есть среда, в которой существует человек. Иными словами, в собственном осмыслении процесса истории мыслитель погружает нас в целый спектр философских проблем: проблему «точности мышления» и «правильного наименования исторических процессов»; проблему «культурной неделимости» как проблему «вхождения» в культуру; проблему «культурной ностальгии» и проблему разрушенных культурных форм, понимаемую как «историческая трагедия».

Проблему «правильного наименования» исторических процессов М. К. Мамардашвили связывает с проблемой «точности нашего мышления». «Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно...» – таково название одной из статей-интервью, благодаря которой кристаллизуется основная мысль философа. М. К. Мамардашвили убежден в том, что понимание в целом и понимание исторических процессов невозможно без четкого логического дефинирования когнитивных понятий: «...только такая связка целого с актуальной индивидуальной точкой конкретного присутствия ответственно мыслящей личности в мире впервые и превращает время из дурного потока эмпирического распада... в историю как орган человеческого самоосуществления и реализации» (2000, с. 53). Без логически точного мышления уничтожается возможность воспроизводства истины, «будет разрушена... её онтологическая основа» (Мамардашвили, 2011, с. 22). Стало быть, вновь и вновь необходимо возвратное движение к началу мысли – точке отсчета – не с целью повторения, а с целью «ввести новые различия в уже сказанное» (Подорога, 1999, с. 27), так как работа мышления не есть пассивное добавление смысла или наложение одного существующего смысла на другой, это всегда новая и прорываемая заново работа рождения мысли.

Особенно проникновенный пассаж М. К. Мамардашвили посвящает понятию «неделимости» культуры, которое будет детально и подробно рассматриваться им в цикле статей, объединённых под общим названием «Сознание и цивилизация». По мнению философа, на определенном этапе развития нашей страны образовались «Шариковы», со свойственным им «языком управдомов», которые свято уверовали в то, что «культуру» можно и нужно усваивать, как то, что им принадлежит по праву, как то, что «можно отнять и поделить», «отнять у имущих и присвоить себе». Однако, полагает философ, «культура» и «дух» неделимы, так как культура – это то, «чем ты не располагаешь», а можешь «лишь на мгновение обретать в собственном духовном движении» (Мамардашвили, 1989, с. 94). Культура, добродетель, дух, образование – это те когнитивно-экзистенциальные константы, которые неделимы и которыми можно «владеть» лишь краткий миг «в собственном духовном движении». Они неделимы, а значит, не могут быть исполнены наполовину: невозможно быть наполовину добродетельным, наполовину культурным, наполовину образованным – это всё обретается сразу и во всей полноте, иначе ты некультурен, аморален и не образован, ведь человек сразу поставлен «перед лицом непреклонных законов цельности и полноты бытия» (Мамардашвили, 2011, с. 61).

Вместе с тем философ убеждает нас в том, что, даже если опыт «вхождения в культуру» состоялся и оказалась «настроена» «точность мышления», все равно существует несколько опасностей на этом пути. Например, опасность неосознанного и неосмысленного использования понятий – ситуация, когда понятия, внешние по отношению к культуре, не освоенные изнутри, не имеют опоры во внутреннем развитии индивидов и не обладают истинной духовной почвой – в этих условиях анализ истории оказывается невозможен. Безусловно важно то, что философ особо выделяет именно «языковую природу» некоторых экономических, политических, социальных проблем, которые беспокоят нас сегодня: жизненно необходимо «правильно именовать» и обозначить вещь, чтобы избавиться от проблемы.

В цикле статей «Сознание и цивилизация» философ формулирует «закон наименования» – «закон названности собственным именем», который есть «условие исторической силы», элемент её формы. Если какое-то историческое событие не получило своего «имени», не было названо, значит оно не получило своей формы и не может быть осмысленно и переосмыслено последующим поколением. Не будучи названным, предмет не получит своего существования: «неназванной вещи невозможно стать...» (Мамардашвили, 2011, с. 61). В толковании философа – это серьезнейшая проблема: не названо – значит, не осознано, не понято, не прожито, и значит, с неизбежностью повторится. М. К. Мамардашвили писал: «...реальность, не имея люфта свободных наименований... не доходит до полноты и цельности жизнеспособного и полноценного существования», а «без откликаний явления по имени нет и места, где... может быть память... и смысл» (2011, с. 62).

Именно отсутствие «названности собственным именем» мешает осмыслить многие трагические коллизии нашей истории, заставляя вновь и вновь «пережевывать» «комки мысли», которому не придали форму. Именно в этой связи М. К. Мамардашвили писал: «...мир еще полон неоплаканных жертв, залит неисккупленной кровью», «судьбы многих погибших неизвестно за что взыскивают о смысле случившегося» (2011, с. 25).

Таким образом, важность работы по «наименованию», в том числе уже случившихся исторических событий, есть нравственный долг последующих поколений и наш, по сути, «единственный шанс иметь будущее... шанс стать людьми» (Мамардашвили, 2011, с. 80). Философ особенно заостряет внимание на необходимости выразить, обозначить, воплотить в слове то, что еще не было воплощено – и это прекрасное умение и великодушный нравственный навык: «...выносить наружу несчастья, а не загонять их внутрь, где они начинают... развиваться иррациональными, стихийными и патогенными путями...» (Мамардашвили, 2011, с. 80).

Безусловно, понять нечто можно, только поименовав, придав форму, поэтому именно с формой (экзистенциальной формой) философ связывает и понятие исторической трагедии. Для М. К. Мамардашвили «историческая трагедия» – это окончательное разрушение культурных форм неподлежащих восстановлению, тех культурных форм, которые, ввиду того что порвалась связь времен, никогда уже не могут быть воссозданы, а преемственность их возрождена. Философ в ряде статей-интервью говорил о том, что искусственное восстановление и поддержание того, что уже давно мертво, отсутствие в «естественной структуре» общества данных «культурных форм» действует губительно на саму культуру и на само общество. Если общество стремится поддерживать эти давно утраченные структуры, оно впадает в состояние «чужой жизни» – «призрачной» и «ненастоящей».

С понятием формы связано у философа и понятие «исторической ностальгии». Трагизм человеческого бытия – и исторического, и культурного – состоит в том, что «мы пытаемся существовать в рамках какой-то культурной формы, которой больше нет, которая была разрушена» (Мамардашвили, 2011, с. 135). А самой большой бедой является инертное существование в разрушенной форме. Мыслитель предостерегает и одновременно поясняет: «...ведь нельзя безнаказанно... просто взять и пересадить, скажем, русский ренессанс, в том числе религиозный... в сегодняшний день и продолжить так, словно ничего не случилось в промежутке или в точке катастрофы» (Мамардашвили, 2011, с. 135) – именно это одна из причин нашего «исторического» и «культурного» «страдания». «Инертное существование в разрушенных культурных формах» («культурная ностальгия») препятствует построению «здоровых», жизнеспособных структур гражданского общества, где нет «апофеоза» страдания, так свойственного, как полагал мыслитель, русской культуре в целом.

Подобные рассуждения М. К. Мамардашвили конкретизирует и гуманизирует, обращаясь к простому, конкретному «субъекту истории» и возможности «личной истории», как акта когнитивно-волевого усилия «самособирания». Жить – значит четко осознавать, что ни компенсаций, ни наград, ни привилегий или предпочтений ждаты не приходится. «Жить в реальном мире – это значит жить в мире, где нет виновника твоих бед и нет награды за какие-то твои достоинства и заслуги» (Мамардашвили, 1997, с. 399), поэтому важнейшая задача, стоящая перед человеком: «...думать лишь о том, чтобы быть достойным того, что выпадает (на нашу долю)...» (Мамардашвили, 1997, с. 355). Человеку не дан абсолютный замысел Бога в отношении его жизни (хотя он существует, и он абсолютен), но человек не должен «пытаться его угадывать» (Мамардашвили, 1997, с. 355), так как «нет отлаженного механизма (жизни), который бы срабатывал без нашего участия» (Мамардашвили, 2000, с. 41). М. К. Мамардашвили интересно воссоздание и понимание цельной витальной активности индивида, где история является уникальным олицетворением человеческого опыта, который предполагает «эмоциональное насыщение субъекта». Осознавая себя как историческую личность, обладающую пафосной природой, включенной в социум, понимая историю как организованную форму человеческого существования, ввиду того что и пафос социокультурно обусловлен, человек входит в цепь событий мира и реализует самого себя, в том числе и на основе исторического опыта прошлого.

Резюмируя, следует отметить, что толкование исторического процесса, созданное М. К. Мамардашвили, органично объединяло эвристические, творческие потенции человека как духовно-телесного существа в сущностной, уникально-интуитивной ценности и полноте. Исторический опыт, как память, в том числе индивидуальная, понимался как способность творчески воспроизводить и открывать всякий раз самого себя и мир, как абсолютную неопределенность.

Заключение

В современную эпоху человек погружен в ситуацию катастрофической нестабильности экономического, политического, социокультурного, культурно-исторического пространства, и выход из данного «перманентного кризиса» осуществляется на путях осознания экзистенциальных ценностей в системе современной культуры. Предложенный вариант реконструкции эстетически-экзистенциальных воззрений М. К. Мамардашвили на историю позволяет сделать следующие выводы.

Рассогласование мышления и языка, неукорененность многих языковых понятий, то есть их тотальное «непонимание» в «недрах» самой «народной» культуры приводит к печальным результатам. Мысль, не имея адекватного языка для выражения идей, неадекватно эксплицирует и саму действительность, которая не получает своей аутентичной экзистенциальной формы. Необходимость «мыслить точно» и «закон правильного наименования» – фундаментальные требования, без которых «определить» историческое событие – невозможно, а значит, и «рассчитать» его дальнейшее развитие, и спрогнозировать «объективный ход» истории, нельзя.

Искусственное «держание» культурных форм, разрушенных в ходе «исторических катастроф», «культурное ностальгирование» по этим формам, которые на деле являются «мёртвыми отходами», – тупиковый путь. Построение самодостаточного демократического общества с высокой культурой соблюдения гражданских свобод невозможно без «внутреннего индивидуального осознания» (самоосуществления) и «артикуляции элементарных форм демократии» как в массовом, так и в конкретном индивидуальном «сознании».

В истории важен не конечный результат, а «путь» и процесс, в котором даже самая тривиальная мысль исторического субъекта должна быть им порождена, усвоена и воспроизведена. Только так происходит «эмоциональное насыщение индивида», без которого механизм самой истории не срабатывает. М. К. Мамардашвили повествует о необходимости понимания прошлого как акта «исторического творчества», связанного с аксиологической способностью человека преобразовывать систему ценностей, придавая ей максимально аутентичную форму. Эстетический экзистенциализм М. К. Мамардашвили – это призыв к перманентной рефлексии как обретению истинной аутентичной экзистенциальной формы субъекта.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать систематическое описание «нетипичного опыта» человека – индивидуализированного и персонифицированного, – который, в свою очередь, явится условием объяснения других уровней бытия и станет основой формирования и развития особой экзистенциальной аксиосферы, следствием которой и должно стать достижение культурной зрелости самой личности и всего человечества.

Источники | References

1. Барышников В. П. Аксиология личностного бытия: монография. М.: Логос, 2005.
2. Беккер О., Гайгер М., Дюфрен М., Ришир М. Феноменология и эстетика. М.: Группа компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019.
3. Воеводин А. П. Эстетическая антропология: монография. Луганск: РИО-ГУВД им. Э. А. Дидоренко, 2010.
4. Грякалов А. А. Контекст глобализации и философия события // Глобализация: pro et contra: материалы международной конференции «Глобализационный вызов истории на рубеже тысячелетий: приоритеты российской культуры и искусства». СПб.: Астерион, 2006.
5. Камю А. Собрание сочинения: в 5-ти т. М.: Фолио, 1998. Т. 2.
6. Мамардашвили М. К. Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно // Театр. 1989. № 3.
7. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте: психологическая топология пути. М.: AD MARGINEM, 1995.
8. Мамардашвили М. К. Необходимость себя. Лекции. Статьи. Философские заметки. М.: Лабиринт, 1996.
9. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. СПб.: Изд. Русского Христианского гуманитарного института; Журнал «Нева», 1997.
10. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука, 2011.
11. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
12. Мотрошилова Н. В. М. Мамардашвили. Философские размышления и личностный опыт. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007.
13. Подорога В. А. Начало в пространстве мысли: М. Мамардашвили и М. Пруст // Конгениальность мысли: о философе Мерабе Мамардашвили / ред.-сост. В. А. Кругликов. М.: Прогресс, 1999.
14. Подорога В. А. Проект и опыт (Г. Щедровицкий и М. Мамардашвили: сравнительный анализ стилей мышления) // Познающее мышление и социальное действие / сост.: Н. И. Кузнецова. М.: Ф.А.С. – медиа, 2008.
15. Рансьер Ж. Разделяя чувственное / пер. с франц. В. Лапицкого, А. Шестакова. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2007.
16. Сенокосов Ю. П. Мераб Мамардашвили: вехи творчества // Вопросы философии. 2000. № 12.
17. Смирнов С. А. Мераб Мамардашвили: топология мысли. СПб.: Алетейя, 2022.

Информация об авторах | Author information

Петрык Янина Юрьевна¹, к. филос. н.

¹ Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Yanina Yurievna Petryk¹, PhD

¹ Kuban State University, Krasnodar

¹ p_yanina@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.06.2024; опубликовано online (published online): 22.07.2024.

Ключевые слова (keywords): история как аутентичная форма; понятие истории в философском творчестве М. К. Мамардашвили; эстетический экзистенциализм М. К. Мамардашвили; история как «самоосуществление»; history as an authentic form; notion of history in philosophical works by M. K. Mamardashvili; aesthetic existentialism of M. K. Mamardashvili; history as “self-realization”.